СМОТРЕТЬ БЕСПЛАТНОВ ХОРОШЕМ КАЧЕСТВЕ

Отклик на книгу Дмитрия Мурзина «Новое кино»

Стремительный темпоритм начала XXI века буквально не даёт возможности остановиться, отдышаться, оглядеться. Постоянно ускоряющаяся гонка породила множество вредных привычек, и, пожалуй, самая досадная из них – привычка к постоянной внешней, формальной новизне. При этом, чтобы удержаться на скорости и сэкономить силы, подлинная новизна – внутренняя, содержательная – игнорируется напрочь: нужно же останавливаться, присматриваться к ней, оценивать...

Событие, каким бы оно ни было, держится на плаву день-два-три, а потом безвозвратно уходит в прошлое. Ни правота, ни красота, ни особенный масштаб или характер события – ничто не повод остаться, подзадержаться, а уж тем более запомниться. Многого и не жалко, но вот с книгами так быть не должно точно – особенно с поэтическими, у которых свой собственный повод быть и своё собственное внутреннее и внешнее время.

* * *

У книги Дмитрия Мурзина «Новое кино» ряд событий неспешен. В 2015 году автор стал лауреатом национальной литературной премии «Поэт года», но лишь в 2017-м в соответствии с программой книгоиздания оргкомитет премии выпустил эту книгу в свет. Безусловно, такая книга — явление весьма нерядовое, и, чтобы развернуться, ему требуется время. Сборник официально не обозначен как «избранное», но в аннотации указано, что он «включает в себя избранные произведения, написанные в разные годы. Лирика автора проникает в самое сердце читателя. Безысходность и безнадёжность, зачастую присущие его герою, обязательно уравновешиваются надеждой на лучшее и верой в добро...»

Собственно, поэтическая книга по-настоящему всегда осмысливается не по факту своего выхода в свет (это, скорее, просто информационный повод), а по факту включения в литературный контекст своего времени, по факту диалога, который складывается (или не складывается) вокруг неё. Посему и разговор о «Новом кино» мы затеваем не сразу, а спустя несколько лет. И конечно, проблему контекста попробуем обозначить, хотя задача не из простых.

В предисловии к сборнику знаток и ценитель поэзии Игорь Волгин основной акцент делает на образе лирического героя: «Можно сказать, что лирический герой Дмитрия Мурзина искушён жизнью и, в общем, не ждёт от неё ничего хорошего. Он смотрит на неё с чуть заметной и невесёлой усмешкой, он "медитативен", он всё делает "медленно и печально"... Это очень выигрышная лирическая позиция. Ибо она не только позволяет взглянуть на окружающих пристальным поэтическим взором, но ещё и художественно дистанцироваться от той действительности, которая, как правило, угнетает поэта своим неблагообразием. Или, как принято ныне выражаться, своей безблагодатностью...»

Сложно спорить с этой оценкой, но и запросто согласиться с «выигрышной» поэтической позицией и выгодной поэтической дистанцией получается как-то не очень. Уже хотя бы потому, что выигрыш и выгода применительно к поэзии понятия совершенно лукавые даже и в наше сугубо прагматическое время.

Разумеется, подход «со стороны лирического героя» не исчерпывает своеобразия книги – скорее, предисловие, как ему и положено, только начинает разговор, ведущий в широкое пространство актуальных, а порой и весьма болезненных для современной поэзии тем. Темы эти должны бы выходить прямо в живую жизнь, но, возможно, именно по причине их болезненности они сегодня оказались в филологической резервации – там, куда опытные загонщики уже не первое десятилетие умело направляют и саму современную поэзию.

Поэтому давайте-ка отложим в сторону филологический инструментарий анализа, вычеркнем термины «центон», «аллюзия», «реминисценция», «постмодернизм» (да-да, и постпостмодернизм тоже) и иже с ними. И в безоружной простоте спросим себя: что происходит-то? Вот здесь, например:

Какое сильное звено, Но – выпавшее из цепочки... Уменье свыше нам дано — Как пропадать поодиночке.

По одному нас ловит стая: Под дых – ага, по морде – хрясь, Как бы резвяся и играя, Но не играя, не резвясь.

Это восьмистишие, пожалуй, одно из показательных, характерных для «Нового кино». Самим приёмом (на всякий случай напоминаю: слово «аллюзия» мы вычеркнули) Дмитрий Мурзин здесь и далее, практически в пространстве всей книги, владеет мастерски, но подобное мастерство оставляет как минимум двойственное впечатление.

С одной стороны, текст изящно, играючи раскрывается в культурный и разговорный контекст практически каждой фразой, и эти фразы аккуратно разло-

одна так прямо и принесена с заплёванного асфальта в тёмном переулке. Игра с читателем: ты помнишь? ты узнал? а вот это? Молодец, возьми с полки пирожок... Некоторые стихотворения «пирожком» и ограничиваются, как, например: Огонь зажёгся и погас в ночи Вы были обезьяной Чичичи И дилером кирпичного завода Вам даже дали имя парохода

жены по культурным полочкам – от Пушкина и Тютче-

ва до Окуджавы и телевизора (это я про звено), а

Пройдёт зима пройдоха не пройдёт Пусть переименуют пароход В кармане лишь окурок и огрызок Я гадом буду буду учпедгизом

Огонь зажёгся в траченой ночи

Вы слышали упали кирпичи Не ведая сомнения и цели На голову в цене на самом деле Да, продавала обезьяна Чичичи в детской считал-

ке строительные материалы и не только продавала – она там ещё и за верёвку дёргала, но повод ли это для стихов? Не растрата ли, не тотальное ли рассыпание памяти - от классического наследия до городского детского фольклора?

А с другой стороны – ну какая же это игра? Пропадать-то поодиночке и всерьёз, и в финале сти- 165 хотворения о «сильном звене» пропадает даже не столько сам лирический герой, сколько всё перечисленное в тексте, включая классику, ТВ и саму подворотню, приговаривается без права обжалования -«не играя, не резвясь». И видимо, не для красного словца. Всё как-то незаметно становится слишком серьёзным. До той степени сугубой серьёзности, что

и (в другом стихотворении) солнце может не взойти.

Легко, по погоде, одета, Раздета ли – кто разберёт? – Нетрезвая девушка Света Домой с вечеринки идёт.

По розовой кромке рассвета, Туда, где батяня побьёт, Нетрезвая девушка Света

Чуть-чуть, еле-еле бредёт.

Вращается тихо планета. Над городом брезжит восход. Светает со скоростью Светы: Чуть медленней - и не взойдёт.

Даже не хочется спрашивать у автора, вправду ли бесхитростная муза юности и романтики, «хорошая девочка Лида» Ярослава Смелякова ушла в безвоз-

ринки вызывающая брезгливое обывательское любопытство «нетрезвая девушка Света». Потому что становится более чем понятно, что в процессе замещения реальной жизни цитатами и тенями из прошлого автор принимает самое непосредственное **участие.** Тяжела атлетика Мономаха, Асинхронно плаванье, квёл футбол. Проигравшего ожидает плаха,

вратное прошлое, а вместо неё уныло бредёт с вече-

Победителю достаётся кол. Выпьем за победу, да где же кружка? И, по ходу, нечего наливать... Коротка дистанция, как кольчужка,

А мы ещё не начали запрягать...

Или:

Внезапно замолчали соловьи. Напившись неба, захлебнувшись высью... Иванушка, не пей из колеи.

Тойотой станешь, хондой, мицубисью! Но выпало всем сёстрам по серьгам, Алёнушку везла «Калина-Лада»

По всем семи холмам, по всем кругам, По всем развязкам дантовского МКАДа.

самом начале рецензии: внешнее событие, мгновенно стирающееся, вроде бы есть, а внутренняя, содержательная новизна под запретом. И не под цензурным, а под самым страшным – самозапретом.

Это же тот самый безотказный приём работы «на

обывателя», из ненавистных самому автору, вызыва-

ющих отторжение и повергающих в уныние прими-

тивной схемой «узнавание плюс страшилка». Та са-

мая ситуация с новизной, о которой мы говорили в

И хотя самым первым стихотворением нас обо всём честно предупредили:

Жизнь началась, как положено, в три утра, Сердце заныло (сердце – известный нытик),

Поиск таблетки, смысла, воды, добра... Снова прилечь, затихнуть, выключить бра. Жизнь – лженаука, мой неумелый гитик.

Каяться, маяться, перебирать слова, Праздновать труса траченым валидолом...

Сдрейфив насчёт «пройдут Азорские острова», После сорваться на торжество шутовства:

Выжечь больное сердце дурным глаголом, —

всё равно как-то не очень по себе. Впрочем, и здесь ещё не край. Край – с перехлёстом – там, где автор в

полемике со стихотворением Дмитрия Быкова, написанным ещё в 1996 году («Нет, уж лучше эти, с модерном и постмодерном... Но уж лучше эти, они не убьют хотя б»), проговаривает впрямую:

Как бы нам ни стелили, как бы нам ни спалось, Лучше – чтобы убили, чем вот так, как пришлось. Лучше – чем эти невольно-вольные стили, Выгибоны, впадины, пируэты... Знаешь, как было б надёжно, если б убили, А не это, вот так, вот этим, вот через это.

Потому-то пора уходить со сцены, Снимать пуанты, стирать белила, Объявлять об отказе участвовать в этом концерте...

Чем, скажите, смерть вам так сильно не угодила, Что всё это вдруг кажется лучше смерти?

Страдательный залог этого стихотворения тоже с двойным дном: с одной стороны, реальность, как утверждает поэт, хуже смерти, но с другой, с другойто - «лучше - чтобы убили, чем вот так, как пришлось». Безволие, возведённое в крайнюю степень, точнее, в неё низведённое. Признание жизни недостойной игрой - и вполне логичный отказ «участвовать в концерте»? Нет, не отказ, а только лишь декларация отказа, потому что ведь весь этот пошлый до тошноты концерт в белилах и на пуантах – «на хлебе и Водкине день ото дня» - и состоит из бесконечных «нетрезвых девушек Свет», а там ещё «Сергеев-Мценский. Новиков-Припой. Как странен нынче путь в макулатуру...», «Если пароль – "хопёр", то отзыв – "хопёр-инвест". Нас с тобой два раза один Мавроди не съест» - и так далее.

Вот здесь, в этой точке отказа от жизни и смерти, поэзия и сворачивает в филологическую резервацию, куда уже совсем скоро будут продавать билеты туристам и водить содержательные экскурсии: «А вот тут у нас реминисценции, здесь аллюзии, в основе которых лежат перцепции...» И не искушённость и отстранённость, а крайняя растерянность и демонстративная беспомощность перед жизнью видятся теперь уже нам в образе лирического героя. И очень хочется, чтобы он очнулся, стряхнул этот морок, замолчал, поражённый — чем? Любовью, может быть? И начался заново — может быть, таким:

Злой я был, когда, шатаясь, Брёл домой по пустырю, От обиды задыхаясь, Нарываясь на зарю.

Злой я был и шёл сквозь темень, Как идёт из раны кровь, Проклиная место, время И особенно любовь.

Ты таким меня застала: Ярость с пеплом и золой... Улыбнулась и сказала: «Успокойся. Ты не злой».

И вот таким, да, точно знающим, что:

Каждый забился в свой отдельный мирок, Напоминающий пластиковый стакан. В мире, почти забывшем, что есть ещё Блок. В мире, почти забывшем, что есть Океан.

Почти забывшим – но ведь не забывшим:

Вяло сигарету разминаю. Не курю. И не прошу огня. Будто бы не знал – но вспоминаю Тех, кто жил на свете до меня.

Как они здесь сеяли-пахали, Как бывали здесь навеселе. Как они наивно представляли Всё, что будет после на земле.

Вот уж на чужом пиру похмелье, Вот уж пальцем не туда попал... Вряд ли они этого хотели, Ничего-то я не оправдал.

Нет печи. А так – считай, Емеля, Полон весь намерений благих, Даже помолиться не умею За безвестных пращуров своих.

Вздрогнув и очнувшись от напасти, Брошу сигарету – баловство, Задыхаясь от стыда и счастья, Как Иван, припомнивший родство.

И потому начинающим сначала:

Выйдешь в чём есть из трамвая, В воздухе пахнет грозой, Светит звезда роковая Ласковой бирюзой.

Выдохнет ночь, как живая, В спину, листвою шурша... Ходят по кругу трамваи, Мается в круге душа.

Светит звезда, остывая... Будто бы над головой Смерть, падла, как таковая Жизни как таковой.

И приходящим к неизменному:

Искусственность дыхания рот в рот, На выдох-вдох – чтобы трещали рёбра... Ну что же ты? Дыши, дыши, сынок! Ну что же ты? Дыши, дыши, урод! Открыл глаза. Ну, здравствуй! Вечер добрый! Теперь ты жив. Теперь ты одинок. Ещё проскальзывают цитаты и тени цитат, ещё порой соблазняет игра – но это уже скорее попытка выйти из игры. Вторая половина «Нового кино» настойчиво и честно прорывается в жизнь, в её реальную боль и опустошённость, в то её постепенно наполняемое живое пространство, от которого не очень-то и дистанцируешься, где невозможно оставаться искушённым, а возможно только быть оглушённым, растерянным, влюблённым, разозлённым,

беспомощным – короче, живым. Нормально живым.

хочется лёгкого – рук твоих на загривке. ветки черёмухи. тёплого молока. всё чересчур. букетик сирени, сливки и слишком тяжёлые белые облака.

Прорваться из резервации:

гуще, больше, сильнее, невпроворот. так чересчур, что, кажется, я завою только с того, что зевота скривила рот.

всё чересчур. я получил с лихвою,

то, что мне перепало, двоим хватило б: друзей и предательства, верности и измен, сколько всего память моя вместила. столько свободы, что, кажется, лучше плен.

вместо одной мне выпало две дороги, я был идущим, то есть осилил их, небо коптил за двоих, но зато в итоге смерти боялся больше, чем за двоих.

И жить дальше с тем, с чем жить, по сути, невозможно, но без чего жизнь теряет всякий смысл:

То ли с веком-кастратом не справился, То ли впрямь – человеческий хлам. Все поступки мои мне не нравятся, А по сути – не нравлюсь я сам.

> Ни стишком, ни романом, ни повестью Не изжить, не сказать напрямик Эту мелочность, сделочки с совестью, Будто совесть моя – ростовщик.

Наслаждаясь минутной победою, Сам себе, сам себе говорю: Я ведь ведаю, ведаю, ведаю, Я ведь ведаю, что я творю.

Я ведь знаю всё это заранее, Понимаю: за каждым углом— Не возмездие. Нет. Наказание. А возмездие будет потом.

Здесь поэт Дмитрий Мурзин говорит уже в полную силу, и ему в полную силу – веришь. И среди стихов, знакомых по предыдущей книге «Клиниче-

ская жизнь», радостно обнаруживаешь в избранном любимое, иронически-ёрническое, но вполне между тем серьёзное по сути:

Течёт и пробует на износ Русло своё река. Берега её утопают в песке, Воды её легки.

И сладка вода родника.

В глухой Сибири, где бродит лось

Но те, кто живёт на этой реке, Боятся этой реки.

Наступит зима, когда нужно зиме, Льдом эту реку скуёт. Никто из местных в своём уме Не ступит на этот лёд.

Прощай, рыбалка, рыбка, прощай, Не будет подлёдным лов. Не тронется лед, не наступит май — Рыбак не покинет кров.

А по-над речкой – малиновый звон. Малиновей звона нет. Звон ненадёжных зимних оков, Пока не померкнет свет.

По небу крадётся, словно шпион,

Поздний зимний рассвет.

Лёд звенит, но ни рыбаков, Ни конькобежцев нет.

167

Лёд, звенящий, но хрупкий лёд Провалами чреват. Система ходов, система пустот

Провалами чреват. Система ходов, система пустот Изрыли лёд наугад.

Система дыр и система нор. Шаг ступил – и привет. В этой реке есть рыба-шахтёр — В других местах её нет.

Черна как смоль, с фонарём во лбу

И с плавником-киркой,
Рыба-шахтёр, проклиная судьбу,
Ушла в ледяной забой.
У местных с неместными вышел сп

У местных с неместными вышел спор, Как есть, о природе вещей: Зачем нужна эта рыба-шахтёр И есть ли она вообще?

Спор утихает, но лёд звенит, И пацаны твердят: Мол, рыба-шахтёр найдёт динамит И местные победят. И вот тут становится понятно окончательно: местные победят. Точно. Весь этот смертельно усталый от постмодернизма постпостмодернизм, всё это безнадёжное прогрызание штреков в воздухе, забитом словами и словосочетаниями до полной окаменелости, вся эта гоп-кампания по обустройству филологических резерваций для современной виршефикации или виршефикции – всё пройдёт. А останется, пожалуй, вот это:

За окнами хмуро и сиро, Уснёшь и увидишь во сне, Что мир разделён на два мира В какой-то ужасной войне.

В какой-то продуманной бойне, В каком-то тумане и мгле... И колокол на колокольне Звонит обо всех на земле.

Ты держишь винтовку, как палку, От страха и злости дрожишь, Такой близорукий и жалкий, Кого-то убить норовишь...

Окопы, обстрелы и взрывы, И будет всё именно так, Пока не увидишь красивый, Пробитый осколками знак:

До вражьей столицы две мили. И тут же проснёшься без сил От счастья, что мы победили И ты никого не убил.

И финальная цитата – как мгновение, в которое – ещё, может быть, незаметно – ситуация начинает разворачиваться в обратную сторону (помните, как у Высоцкого: «От границы мы Землю вертели назад –

/ Было дело сначала. / Но обратно её закрутил наш комбат, / Оттолкнувшись ногой от Урала...»):

Заштопай на сырую нить Надежды скверное сукно, Мы просто не умели жить. И научиться не дано.

Уже никто и никогда
У нас не спросит закурить.
Сгорела, падая, звезда,
И нужно слазить заменить.

А сны застираны до дыр, Порой так хочется уснуть. Вновь пробуксовывает мир, И нужно выйти – подтолкнуть.

* * *

Вот такое получилось «Новое кино» – не слишком весёлое, но с настоящей надеждой. Для искушённых и неискушённых. Для отстранённых и погружённых. Автор прошёл весь путь – и вышел к себе. Преодолел в себе то, что обычно занимает целую жизнь, и обозначил жизнь другую – настоящую.

...Я принадлежу к поколению, рождённому в 1960-е, и всегда считала, что именно оно попало под самый сильный удар эпохи, именно на него обрушились обломки советской империи. «Новое кино» представило иной сюжет — поколение, рождённое в 1970-е и угодившее под те же обломки, ещё не успев набрать хотя бы минимальной силы и крепости. Но и оно, в принципе, выстояло.

Времена не выбирают – но, совершенно точно, мы сами выбираем свой путь через них.

Нина ЯГОДИНЦЕВА,

г. Челябинск

